

А. ЛИСКИ

ШЕЛ СОЛДАТ ВО ИМЯ ЖИЗНИ

ПОЕЗД ШЕЛ НА ЮГ. На стыках колеса пулеметной дробью выступивали: тра-та-та-та, тра-та-та-та. В вагонах бывшие курсанты Московского пулеметно-минометного училища, а теперь добровольцы отдельного лыжного батальона. Многим из них не больше восемнадцати — золотая пора юности, когда легко мечтается. В училище они были всего три месяца, когда воскресный рассвет обагрился кровью героев Брестской крепости, стариков и детей. О героях легендарного гарнизона они узнали потом, а

...А убьешь, так и потом
На тебе, как клещ, повисну,
Мертвый буду на живом.

А. Твардовский.

сейчас каждый соизнавал, что идет война, льется кровь невинных людей, полыхают деревни и села, небо напряженно звенит от рева фашистских стервятников, стонет родная земля под гусеницами гитлеровских машин, танков и орудий. Стонет, призывают земля отцов, дедов и прадедов: «Остановите полчища фашистской чумы, опрокиньте и уничтожьте их!». Для этого нужна кровь таких как вот он — Ленька Одеев, как его товарищи, да что кровь? Жизнь! Жизнь многих молодых парней, и Ленька Одеев готов отдать ее, чтобы жили другие, чтобы ни у одного народа не было кровавых рассветов, чтобы всегда лучились счастьем глаза матерей, жен, сестер, подруг.

Леонид задохнулся. Как там быть с маманей? Не легко им будет с оравой в восемь ребячих ртов. А кому легко? На этот вопрос Одеев не успел ответить: скрипнули тормоза, вагон качнулся, и он замер. Солдаты всматривались в белесое, словно выжженное южным солнцем сибирьское небо. Все понимали, что предстоит марш, последний марш перед боевым крещением. Вскоре

оно состоялось. Когда часть Леонида Одеева отходила на заранее подготовленные позиции, они напоролись на десантную засаду немцев.

— Вброд переходили один из притоков «тихого» Дона, и шальной осколок мины клюнул в левое предплечье, застряв глубоко в мышцах. Потом бой под Стalingрадом, и снова залетел осколок вражеской мины и вшился в левую ногу. После госпиталя — Воронежский фронт, и опять угодил осколок мины под правое колено. — Леонид Яковлевич задумался, а потом пошутил:

— Видите, нехитрая судьба обычного солдата.

УЛЕОНИДА ЯКОВЛЕВИЧА ОДЕЕВА солдатская судьба была далеко необычной. В ней не было лихости, а вот храбрость помноженная на расчет, знания, полученные в училище и приобретенные в боях, проявлялись в каждом деле. В 491 гвардейском отдельно-армейском (позже Киевском) минометном полку его имя многие знали как имя искусного командира миномета, бьющего праща по всем законам военной науки.

В бою за село Большой Бобрик на Сумщине минометный расчет старшего сержанта Одеева под

(Продолжение на 2-й стр.)

ШЕЛ СОЛДАТ ВО ИМЯ ЖИЗНИ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

артиллерийским огнем противника прямым попаданием мины, посланной из своего миномета, уничтожил 75-миллиметровую пушку, подавил два ручных пулемета и уничтожил до 50 солдат и офицеров. «Расчет действовал смело и решительно, обеспечив нашей пехоте продвижение вперед», — писал командир дивизиона штаб полка 15 августа 1943 года. Восемнадцать дней спустя, когда наши части форсировали реку Псел, Леонид Одегов со своим расчетом драли за село Низы. Его минометчики, переправившись через реку, открыли шквальный огонь по фашистам. Ни одна огневая точка противника не сделала ни одного выстрела по переплывающим Псел советским солдатам. И снова в донесении: «...дивизион потерпел не имел».

8 сентября разгорелся бой за деревню Васильевка. Используя пересеченную местность, старший сержант Одегов со своим расчетом выдвинулся на фланг противника. Меткий минометный огонь вызвал панику у немцев и обратил их в бегство. В этом бою минометчики захватили двенадцать 75-миллиметровых орудий, подбили 105-миллиметровую пушку и уничтожили 6 автома-

шин с боеприпасами и около 100 солдат и офицеров. Через неделю Одегов наступал севернее города Ромны, и снова его расчет первым высаживается на противоположный берег реки и не жалеет мин для уничтожения врага. Из под навесного огня минометчиков не поднялось до взвода вражеских солдат, а трое оставшихся в живых были пленены.

В КОНЦЕ СЕНТЯБРЯ Леонида Яковлевича Одегова прияли в партию. Войска Первого Украинского фронта подошли к Днепру. За ревущим Сивучем лежал древний Киев. Солдаты ждали приказа форсировать великую украинскую реку. Готовился к схватке за столицу Украины и старший сержант Одегов. Оншел в лозах ивняка старую рыбакскую лодку, починил ее и ждал. Приказ расчет получил ранним утром 4 октября. Минометчики быстро погрузили в лодку миномет и боеприпасы и вместе с другими поплыли к правому берегу, но немцы заметили плывущих и открыли ураганный огонь из всех видов оружия. Стено дыбились разрывы снарядов, мин, бомб, окатывая наших солдат осколками и ледяной водой. Звенящим роем настигали очереди из пулеметов и самолетов. Лодка старшего сержанта Одегова продержалась недолго. От разрывов вражеского снаряда ее перевернуло. Миномет, боеприпасы и два бойца прошли ко

дну. Переправа захлебнулась. Живые прибились к своему берегу. Сорвалась и вторая переправа.

Пехота понесла большие потери. Минометчики получили приказ форсировать реку только с автоматами и любой ценой закрепиться на правом берегу. Огонь фашистов не утихал ни на минуту. Ну, плыть, видно, в Киев и мне по течению тошником, подумал Одегов, выталкивая бревно вместе с рядовым Никрасовым из лоз ивняка. На бревне автоматы, сумки с дисками. Ухватились один за один конец, другой — за другой и начали выгребать свободной рукой. Солдатской находчивости Одегова последовали и другие бойцы. Плынут. Течением сносит вниз. Из воды торчат лишь головы, а немцы поливают из пулеметов, а бойцы все гребут и гребут к правому берегу, высматривая удобное место для высадки. Одегов почувствовал, как мертвый хваткой сжало ноги. «Судорога», — обожгло мозг, и вдруг он под ногами ощущил дно. Бросив бревно, устремились к берегу, а там на четвереньках, то по-пластунски, то короткими перебежками добрались до кустов.

Семь солдатиков, рассредоточившись подальше друг от друга, наскоро отрыв небольшие окопчики, открыли огонь по врагу. От неожиданности немцы отступили: они не думали, что кто-нибудь из переправившихся уцелел. На пя-

также храбрецы стойко держались восемнадцать часов. Они скорее чувствовали, чем видели у себя за спиной оживление на левом берегу Днепра. Там саперы специально наводили наплавной мост. И вот по нему загрохотали танки, пошли машины с пехотой и артиллерией. Началось наступление. Плацдарм раздвинулся слегка вширь и километров на двадцать вклинился мешком вглубь обороны противника. Одегов был вместе с пехотой на самом дне этого мешка, но наступление велось небольшими силами. Немцы это почувствовали и у Днепра затянули мешок.

ШЛИ ТРЕТЬИ СУТКИ, как Леонид Одегов сражался в окружении. Кончались боеприпасы, есть хотелось так, что туманилось воззрение. Поступил приказ выбираться по двое — по трое. Все же и реже отвечали бойцы из автоматов в сторону врага. У Леонида Одегова остался один тесак от немецкого карабина. Он огляделся. Из окна выглянул сосед — знакомый солдат Капников. Они оказались в лесу одни. Выбрались из окопов поискать ягод или грибов, и тут Одегов заметил немца. Он уверенно шагал по тропинке с термосом за плечами. До Одегова и его товарища доносила наваристый аромат супа. Капников не выдержал и набросился на тотального фрица, но враг опередил нападающего и проколол штыком.

Немец посмотрел на осунувшуюся лицо Капникова, вытер штык пучком сухой травы и самоуверенно пошел дальше. Одегов чувствовал дурманящий запах супа, видел самоуверенное лицо фашиста. Вот его кованые сапоги глухо протоптали в полутора метрах от кучи хвороста и сучьев, которых для маскировки навалил на себя Одегов. Старший сержант вскочил на ноги и бросился на немца, но фашист оглянулся на шум сущинка раньше, чем успел достичь его Одегов и нанести удар ножом в спину. Сверкнул штык фашистской винтовки: фриц сделал прием «коротким коли», но Одегов, пригнувшись, увернулся от удара. Фашист не растерялся и сделал накладку по голове. Кровь залила глаза. Старший качнулся и, падая лицом вперед, подмял под себя врага...

Леонид Одегов не родился солдатом, но стал им по велению сердца и боевую выучку прошел в атаках, всегда помня деревню Ширкуты в Даровском районе Кировской области. Там прошло его детство и отчество. Бегая в школу, а затем работая животноводом, он полюбил землю, на которой жил, с ее тенистыми рощами, речками, со звонкими песнями жаворонка в бездонье весеннего неба, с состязаниями скрипачей-кузнецов в летней ночной тиши, с завыванием клубящейся белой метели и со звонким мороацем. И все это у него и его народа пыталась отобрать звериная стать, отъевшаяся на давовых харчах народов почти всей

Европы. Он—солдат Леонид Одегов—вместе с товарищами по оружию отбивает у врага каждую пядь земли своей Родины, возвращает кровь родным людям. Во имя жизни на земле стоило идти нелегкими дорогами войны, переносить ее невзгоды и лишения, проливать кровь и, если нужно, отдать жизнь, но вместе со смертью врага...

ОНИ ЛЕЖАЛИ в мертвый схватке до вечера. Фриц—на термосе с супом с запрокинутой головой. Его зеленоватые глаза словно в испуге выпрыгнули из орбит, остекленело уставились в серое осенне-украинское небо. Руки застыли в судорожной попытке оттолкнуть за плечи противника, а он—противник—воин-освободитель Леонид Одегов впился зубами в горло фашиста. Так и нашли их бойцы из 240-й стрелковой дивизии, развивавшие наступление в глубь немецкой обороны.

— Глазам своим, браток, не поверил,—сказал пожилой ефрейтор Одегову, когда старшего сержанта сняли с немца и, обнаружив, что он живой, привели в сознание.—Сколько смертей за войну перевидал, а вот такую—впервые. Если бы кто рассказал...—он не договорил. Солдаты

наперебой угощали Одегова, кто сухарями, кто галетами, а кто-то молчаливо поставил открытую банку мясной тушонки.

— Да ты ешь, дорогой, ешь,—подбадривал ефрейтор. Солдаты отправили Одегова в медсанбат. Рана на голове была не слишком опасной, и он скоро здоровым вернулся в часть. Затем вызов в штаб 3-й армии.

Поздравляю с присвоением звания Героя Советского Союза,—сказал офицер отдела кадров, когда старший сержант Леонид Одегов доложил о прибытии по вызову. Крепко пожимая руку, офицер добавил, протягивая газету «Правда»—вот Указ.

— Служу Советскому Союзу!—старший сержант вытинулся по команде смиро.

Вскоре семерых Героев 1-го Украинского фронта принимали в Кремле. Михаил Иванович Калинин приколол на грудь Леонида Яковлевича Одегова медаль Золотая Звезда и орден Ленина. Из Москвы старшего сержанта поезд увез в Ульяновск, в офицерское училище. Так для Одегова кончилась война и начались дни учебы—дни овладения теорией боевого мастерства сражений и операций, участником которых он был. В 1946 году Леонид Одегов окончил училище. И сно-

ва поезд увозит его, теперь уже младшего лейтенанта артиллериста в Германию—туда, куда он не додел с друзьями-однополчанами.

СЕМЬ РАНЕНИЙ, КОНТУЗИЯ—все чаще и чаще сказывают на здоровье, но боевой командир не уходит в запас. Он учит молодых солдат искусству побеждать. Врачи категорически утверждали: «Нельзя!». Лейтенант Одегов возвращается в Россию.

Война сделала Леонида Яковлевича Одегова инвалидом, но только физически, и не сломила его высокий солдатский дух. Сначала он заведовал Поцелуевским сельским клубом, затем работал на Даровском льнозаводе в Кировской области. Сейчас Леонид Яковлевич живет в Красноуральске—в городе меди и химии. Он шагает в первых рядах строителей коммунизма, а в свободное от работы время встречается с пионерами, с молодежью. Его задушевные беседы о героизме советских людей в тяжелую годину Великой Отечественной войны затягиваются далеко за полночь. В канун 20-летия со дня Победы над гитлеровской Германией Леонид Яковлевич избран почетным членом ленинской пионерии.